

ДМИТРИЙ ЕРМАКОВ

МОНРЕПО

РАССКАЗ

Он привычно вынул из почтового ящика бесплатные газеты с рекламой и не сразу сообразил, что белый прямоугольник, упавший на кафельный пол подъезда, — письмо. Поднял конверт, глянул на адрес и фамилию отправителя, поспешно распечатал, пробежал глазами записку — безупречно выписанные буквы и ровные строчки... Он всегда завидовал почерку своего приятеля.

Трижды перечитал записку, прежде чем до него дошёл её смысл.

Из квартиры позвонил на работу, предупредил, что его не будет несколько дней, и стал собираться в путь.

На следующий день он уже ехал в плацкартном вагоне. Отвык от поездов и поначалу стеснялся соседей. Но пообвыкся, загляделся в окно, где без конца — леса, деревеньки, крохотные станции, на которых так хочется выйти...

Девушка напротив, видимо, студентка, читает учебник по философии. Мужчина в спортивном костюме разгадывает кроссворд и поглядывает на девушку. Тихая приятная бабулька угощает домашними пирогами. Он отказывается, а сосед ест и нахваливает. Проводница разносит чай, постельное бельё. Девушка ушла в тамбур, и туда же двинул спортивный сосед. Вернулись вместе, и вроде бы уже что-то есть между ними, договорились о чём-то...

И он ушёл в тамбур курить, стоял там долго, пережидая, пока соседи запросят постели. Уже в темноте кое-как застелил свою верхнюю полку.

Девушка спала, укутавшись в простыню, в сумерках различалось её нежное лицо, и угадывалось под простыней, как подогнула она ноги, какая вся

ЕРМАКОВ Дмитрий Анатольевич родился в 1969 году в Вологде. После школы служил в армии, занимался спортом. Рассказы публиковались в журналах "Наш современник", "Алтай", "Подъём", "Москва", "Воин России" и других. Работает тренером по дзюдо. Член Союза писателей России. Живёт в Вологде

она тоненькая, хрупкая. Подумалось, что ей тоже лет девятнадцать... Думалось и о том, что ждёт его там, куда он едет, и вспоминалось многое.

Поезд качался, вздрагивал на стыках, останавливался и снова набирал скорость. Дребезжала ложка, оставленная соседом в стакане. Он нагнулся с полки, вынул ложку, положил на столик. Но продолжал дребезжать стакан в подстаканнике. И под это глухое дребезжание, под монотонный колёсный стук он наконец уснул.

Он загадал себе проснуться пораньше и встал первым, без очереди попал в туалет, почистил зубы, умылся.

Подъезжали к Москве.

Чувствовалось, что все уже напряжены, все уже там, на вокзале, в предстоящих заботах. Девушка смотрелась в зеркальце, подкрашивала глаза, спортивный мужчина убрал газету и напряжённо смотрел в окно. Бабулька что-то проверяла в своём бауле.

Он вспоминал, где на вокзале вход в метро и сколько остановок нужно проехать до другого вокзала.

Поезд встал. Все торопливо подхватывали свои сумки и уже не смотрели друг на друга. Тесная очередь в проходе, холодный тамбур, железные ступени. Он вышагнул на перрон и, подхваченный толпой, двинулся к зданию вокзала.

Носильщиков не заинтересовал его тощий портфельчик, но на выходе с перрона его сразу окликнул деловитый крепкий мужчина:

— Такси не желаем?

Он было согласился, сказал, на какой вокзал ему нужно.

— Едем, — таксист кивком позвал за собой.

Он всё же пересилил стеснение и спросил о цене. Услышав цену, он опять же нашёл в себе силы отказаться.

— Дешевле не найдёшь.

— Ничего. Извините. Спасибо.

Таксист скривил губы и отвернулся.

Подчинившись движению толпы, он безошибочно вышел к метро, встал в очередь в кассу. Крупные деньги лежали у него во внутреннем кармане пиджака, а мелочь в боковом. Он то и дело хлопал себя по правому бедру, а потом переносил ладонь к левой стороне груди, будто у него побаливало сердце.

Он был в метро последний раз, когда для прохода нужно было опускать пятак. Сейчас на его деньги ему выдали твёрдый прямоугольник с красной стрелкой и надписью “одна поездка”.

Он не сразу подошёл к турникету, постоял у стены, поглядел, как другие проходят — суют в щель эти прямоугольники, их затягивает внутрь и выкидывает через другую щель вверх.

Сделал всё точно так же, стараясь быть спокойно-неторопливым, но, когда шагнул вперёд, из боковой стенки вылетел, ударив по ноге, барьер. Он отшагнул, и барьер убрался. И он опять тупо рванулся вперёд, и опять удар по ноге. Кто-то оттолкнул его, сунул свою карточку и беспрепятственно прошёл.

Он снова встал в очередь в кассу, снова купил карточку. И всё повторилось. Будто бездушный механизм издевался над ним. Милиционер, стоявший неподалёку, недовольно поглядывал на него. И он, разозлившись на себя и на всех, шагнул вперёд, и когда опять выскочил барьер, перешагнул через него, нелепо высоко задирая ноги. Тут же был зажат со всех сторон, в толпе дошёл до эскалатора, встал на ступеньку, отёр со лба пот, тронул карманы пиджака. Старался не думать о казусе на входе, но ему было стыдно своей провинциальной неловкости. И уже боялся, что запнётся, когда будет сходить с эскалатора.

Но сошёл благополучно, на световом табло нашёл название нужной станции, вошёл в вагон подлетевшего поезда и встал удачно, прислонился к стене.

Парень и девушка лет по семнадцати откровенно смотрели на него, хихикали. Он почувствовал, что краснеет, отвернулся.

Вышел из метро на вокзальную площадь. Билет у него был взят ещё в своём городе до станции назначения, поезд отправлялся лишь вечером, и он

мог бы не торопиться приезжать сюда, но Москву не знал и бесцельных хождений не любил.

Вокзал был огромный, какой-то очень сложный. Он, уже без суеты, нашёл выход к поездам, перекусил в кафешке пирожком со стаканом сладкого кофе, купил толстую газету и сел на пластиковое сиденье в зале ожидания, примостив портфельчик под правую руку.

Напротив сидел негр. Не чёрный, а фиолетовый. Он, видимо, промочил ноги, пока шёл до вокзала, вдруг очень просто, будто так и надо, стянул чёрные полуботинки и протопал в носках, оставляя мокрые следы на бетонном полу, к стене, к холодной, давно отключенной батарее, сунул обувь под батарею и сел рядом в кресло. И был этот негр — сам по себе, весь в себе, с грустными глазами. Думал, может, о доме, замёрз. И если так одиноко и плохо ему в Москве, то как же он будет там, куда едет, где-то уже в глубинке России?.. Опять подумал: а что ждёт его самого? Кто ждёт? Да, скорее всего, никто...

Он вышел на улицу, покурил. То и дело слышался родной южный говор с мягким “г”, и люди уже будто бы знакомые.

Несколько раз ловил на себе быстрые острые взгляды каких-то подозрительных типов, незаметно проверял деньги и старался держаться людных мест.

Вновь заходил в кафе, сидел, читал. Наконец услышал объявление о посадке в свой поезд, торопливо прошёл на перрон, достал билет, ещё раз прочёл, хоть знал уже наизусть, номер вагона и места.

Курортный сезон ещё не начался, и вагон был почти пустой. Он взял у молоденькой проводницы бельё, быстро заправил постель на нижней полке, пиджак с деньгами свернул и сунул под подушку, залез под простыню, блаженно вытянулся. Поезд уже тронулся, в окно, не до конца задёрнутое, лился электрический свет, а в вагоне был полумрак, вскоре и вовсе выключили свет, и за окном стемнело, лишь мелькали какие-то огни.

Он окунулся в полусон-полуявь, и в этой дрёме вспомнилось молодое, далёкое...

Город Выборг, куда отправили его, молодого аспиранта, на какую-то научную конференцию. Узкие, крутые, булыжником мощенные улочки, крепость, башня с винтовой лестницей, и сверху видно весь город: дома с острыми крышами, новые типовые микрорайоны, порт, в котором краны, корабли... И весенний йодистый ветер, солнце...

В последний день был банкет в ресторане “Старая башня”. Медленный танец с девушкой, имя которой забыл, — тоненькой, хрупкой, некрасивой. Опьянел от вина, танца, близости девушки. О чём-то они говорили, вышли на продуваемую ветром улицу, ехали в такси. Целовались, и он чувствовал под лёгкой одеждой пуговичные, детские грудки. Она повела его в тёмный парк, сказочно прекрасный, таинственный, с аллеями толстых древних деревьев. И в парке опять башня — невысокая, с узкой лестницей, наверху которой снова целовались. Она что-то рассказывала про тот парк, вроде бы крупнейший в Европе, ещё что-то...

Её дом был рядом. Однокомнатная квартирка. А она оказалась не девушкой-подростком, а побывавшей замужем женщиной...

Из всего, что они говорили (наверное, чепуху всякую), помнилось только, как он спросил уже ночью, оторвавшись от неё, закурив:

— Устала?

— Да чтобы девчонка-выборжанка устала от этого!

Она вскочила, голышом заметалась в каком-то завораживающем танце — легко взлетала, выгибая спину, кружилась, выпорхнула на балкон, раскинула руки, выгнулась так, что сошлись её выпирающие лопатки. Она была прекрасна в своей детской угловатости. Влетела в комнату, упала на постель рядом с ним, и он опять обхватил её... А ведь что-то случилось в её жизни, что-то хотела она забыть в постели с ним, в том танце...

Он женился вскоре после возвращения из Выборга. И все годы память о той ночи, о парке подспудно жила в нём. Может, она-то и помогла ему выжить, не опуститься. Но почему он ни разу, даже после развода, не захо-

тел вернуться туда, если это так важно для него?.. Наверное, понимал, что вернись, найди её — и сказка разрушится. И что тогда удержит его?

Он очнулся. За окном была ночь. Кто-то стонал во сне. Вышел в тумбур, закурил. Молодость. Выборг. “Как же назывался тот парк?” И вдруг разозлился на себя. Ну при чём тут Выборг? Едет-то он в родной город, в котором не был пятнадцать лет, в котором скоро выйдет замуж его дочь.

А утром за окном был уже южнорусский пейзаж — степь, холмы, овраги, пирамидальные тополя на станциях, белые, будто игрушечные домики, густая зелень кустов вдоль железной дороги, рыжие коровы. На остановках он прыгивал из вагона, его обступали крикливые женщины, наперебой предлагавшие свежую вареную картошку, черешню, клубнику.

Он купил черешни. Пил чай, смотрел в окно, дремал. Так прошёл день. Он дождался, когда поезд промчался по мосту над Доном — у берегов вода была вся в столбах света от фонарей, — и уснул.

Рано утром он вышел на перрон родного города.

Но уже давно не было у него здесь дома, куда можно было пойти. Он помнил, что рядом, у вокзала, есть маленькая дешёвая гостиница, в которой раньше останавливались колхозники, приезжавшие в город на рынок. Сразу и двинул туда, не уверенный, что гостиница ещё сохранилась.

Но она была, работала, всё такая же недорогая, правда, и не очень комфортная. Впрочем, одноместный номер с кроватью, тумбочкой, столом и стулом его вполне устроил.

Имелся и душ, один на всю гостиницу. Но постояльцев было не много, и он, взяв у горничной ключ, неторопливо вымылся, побрился, сменил нательное бельё. У той же горничной, сонной, но доброжелательной немолодой женщины, взял утюг. Почистил щёткой и отгладил брюки и пиджак, выгладил чистую белую рубашку...

За час до назначенного времени он вышел из гостиницы и медленно двинулся к центру города. Всё — дома, улицы, деревья — было так знакомо, будто и не уезжал. Зашёл в хозяйственный магазин и купил банку обувного крема и щётку. В скверике присел на скамейку, старательно начистил полуботинки и, не зная куда деть крем и щётку, бросил их в урну. Задержался у цветочного магазина, прошёл мимо, но вернулся, купил пять красных роз. Поглядел на часы, оставалось двадцать минут.

Он встал через дорогу от здания загса. Вскоре подъехали машины: какая-то иностранная белая, потом чёрная “Волга”, ещё несколько.

Из “Волги” выскочил парень в чёрном костюме. Подбежал к первой машине, помог выйти невесте. Ему не было видно лиц. Только разглядел, что девушка в белом платье — тоненькая, жалостно-хрупкая...

Из остальных машин повывезали — целая толпа. В тёмно-синем брючном костюме, элегантная и энергичная, конечно, его бывшая жена.

Все поднялись по высоким ступеням и вошли в загс.

Он прикурил, зажав букет локтем, сделал три глубокие затяжки и откинул сигарету, перешёл дорогу, встал неподалёку от машин.

Все снова вышли на крыльцо. Жених держал девушку под руку. Она, в длинном белом платье, в белой шляпке с короткой, не закрывающей лицо вуалью, держала в свободной руке красивый букет, улыбалась застенчиво.

Суетливый маленький человек в сером костюме, матерчатой кепке и белых кроссовках, с большим фотоаппаратом на груди, кричал:

— Все, все на крыльцо, плотнее, родители ближе к молодым. Внимание! Снимаю! Не расходимся. Жених, возьмите невесту на руки...

Всё расплывалось в его глазах, ком встал в горле.

Бывшая жена скользнула по нему взглядом. Не узнала, конечно.

А тут и приятель, письмо приславший. Увидел, дёрнулся к нему, хотел уж голос подать, но он покачал запрещающе головой, развернулся и пошёл прочь, держа цветы головками вниз.

Он почувствовал себя тем негром с московского вокзала.

Вернулся в гостиницу. Выпил полстакана водки, купленной по дороге, не раздеваясь, не сняв обувь, лёг на кровать.

— Зачем, зачем... Жизнь прошла...

В дверь постучали, и, не дождавшись ответа, вошёл приятель.

— Ну что же ты? — спросил не здороваясь.

Он сел, кивнул приятелю на стул.

— Давай! — разбулькал водку по стаканам. Выпили, закусили остатками хлеба.

— Ты скажи мне всё-таки, было у тебя с ней? Теперь-то уж всё равно, скажи...

И по тому, как уверенно ответил приятель “нет”, понял — было.

— Ты зачем мне написал?

— Она попросила.

Он оторопел. Закурил.

— А дочь знала, что я могу приехать?

— Нет вроде...

— Ну и ладно, ладно...

— Я слышал, всё хорошо у тебя?

— Всё хорошо, нормально.

— Женат, дети?

— Нет.

— А я у неё, у твоей, на кафедре преподаю. Она ведь завкафедрой.

— Ну ещё бы... Я, кстати, тоже... И шёл бы ты отсюда...

Приятель молча поднялся и вышел.

“Конечно, ты думал — я сломался, спился. Нет. И не дождёшься... А дочь-то моя, точно”. Он допил водку.

Поздно вечером он пошёл на вокзал и легко купил билет до Москвы.

Всю дорогу в поезде он пил. Через день был в Москве. Проходя в метро, он забыл купить карточку, но прошёл. Фотоэлемент почему-то не среагировал на него.

Так же свободно купил билет до своего города, опять пил всю дорогу и на следующее утро вошёл в свою однокомнатную холостяцкую квартиру. Он был спокоен, трезв, твёрдо знал, что уже ничто не изменит его жизнь. Всё, всё позади. Затрещал телефон. Он снял трубку и услышал голос бывшей жены:

— Андрей. Это ты? Ты почему не приехал?

Он положил трубку. Вспомнил название парка — “Монрепо”.